

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 230–246
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 230–246
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-230–246

БЫТЬ ИМПЕРАТОРОМ В РИМСКОМ МИРЕ. НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ

Предметом данного обзора являются три книги, изданные в 2023 г. Это, во-первых, «Император Рима: править древнеримским миром» – работа Мэри Бирд, ведущего британского антиковеда, общественного деятеля и яркого популяризатора истории античного Рима, профессора Кембриджского университета, члена Британской академии¹. Во-вторых, «Цезарь правит: Император в меняющемся Римском мире», написанная известным нидерландским историком Оливьером Хекстером, профессором Неймегенского университета². Третья книга – «Воображая римского императора: восприятие правителей в Ранней империи» – принадлежит перу молодого преподавателя Оксфордского университета Панайиотиса Христофору³. Написанные в разной манере, эти работы, как видно по ключевому слову «император» в их названиях, посвящены одной общей теме, центральной для римской истории – содержанию, характеру, восприятию и репрезентации императорской власти в Риме. В центре внимания авторов находятся не индивидуальные императоры, а общие аспекты их положения и деятельности как верховных правителей, то, что полнее всего определяется английским словом *emperorship*, которое в своем значении не исчерпывается властными полномочиями, а охватывает как глубинные, собственно государственно-политические характеристики самого этого института, так и окружающую его имагологическую «ауру» стереотипных образов и эмоциональных реакций, идеологические клише и

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00374 П «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Beard 2023 (пер. на итал. яз.: Beard 2024). На русский язык переведены ее известный бестселлер «SPQR: История древнего Рима» (Бирд 2017) и работы, представляющие автора как яркого публициста (Бирд 2018) и историка искусства (Бирд 2019), а также ее монография, посвященная смеху и юмору в Древнем Риме (Beard 2025).

² Hekster 2023. Среди его трудов отметим книгу о той роли, какую играли предки и родственные связи в формировании образа императора (Hekster 2015). Хекстер является редактором известной серии «Impact of Empire», в рамках которой к настоящему времени вышло более 40 материалов конференций, индивидуальных и коллективных монографий.

³ Christoforou 2023. Ее основой является диссертация: Christoforou 2016.

социокультурные практики. Затрагивая одни и те же проблемы, названные авторы исходят из схожих исследовательских установок и предлагают современные ответы на давно обсуждаемый в научной литературе вопрос: кем был римский император?

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: КОНЦЕПЦИЯ Ф. МИЛЛАРА, ЕЕ КРИТИКА И РАЗВИТИЕ

В современной историографии этот вопрос был поставлен еще в 1977 г. выдающимся британским историком Фергюсом Милларом в его классической монографии «Император в Римском мире», которая во многом определила направления и проблематику последующих исследований. Отойдя от преобладавшего ранее институционального, государственно-правового («конституционалистского») подхода к определению сущности римской императорской власти, Миллар впервые обратил внимание на стереотипы поведения и повседневную рутину в деятельности императоров. Согласно его концепции, император как правитель был, по сути, пассивен, не имел собственной политической стратегии, принимая решения и действуя преимущественно в ответ на запросы снизу, предъявляемые ему в форме петиций и судебных апелляций; соответственно, такая «реактивность» роли, ожидаемой от императора, объясняет весьма ограниченный и простой «правительственный» аппарат эпохи принципата. По афористическому заключению британского ученого, «император был тем, что император делал»⁴.

Эта «примитивистская» "petition-and-response" модель, как ее принято называть, встретила, однако, довольно серьезную критику, которая указала на упущение из вида ряда существенных аспектов в положении императора (императорского культа, военного командования и дипломатии, влияния республиканских традиций на поведение принцепса), на статичность реконструируемой картины, определенные методологические просчеты и недостаточно обоснованные обобщения⁵. Отмечалось (в частности, в подробном критическом разборе К. Хопкинса), что позитивистский подход Миллара игнорирует такую важную сторону императорской власти, как убеждения, намерения и оправдания и самих правителей, и подданных, а главное – надежды, амбиции и страхи первых, чувства и ожидания вторых. Определение «император был тем, что император делал» не охватывает многие занятия, которые самим современникам, очевидно, казались важными: охоту, любовь, пиры, размышления. Вне поля зрения остались и свойства той социокультурной системы, которая обуславливала поведение римских правителей⁶.

Все это, однако, не отменяет заслуг Миллара, который, по существу, заложил основы для понимания императорской власти как сложной, диффузной системы разнообразных практик и неформализованных отношений, замыкавшихся на верховном правителе и его ближайшем окружении, но распространявшихся на ключевые социально-политические группы (сенаторов, армию, столичный плебс, провинциальную знать). В этом русле, через дополнения и корректировку сформулированной Милларом концепции, шло дальнейшее развитие историографии. Так, например, Э. Уоллес-Хедрилл в своей этапной статье, обратив внимание на стиль и церемониал императорской власти, охарактеризовал статус императора как положение «между гражданином и царем»⁷. Р. Лоуренс и Дж. Патерсон рассмотрели шутки и юмористические высказывания императоров и, перефразируя определение Миллара, подчеркнули, что император был не только тем, что он делал, но и тем, что он говорил⁸. П. Вейн, посвятивший через 25 лет после выхода в свет книги Миллара специальную статью ответу на вопрос «Кем был римский император?», предложил свой

⁴ Millar 1977, 6. Эта книга была дважды переиздана в 1992 и 2001 гг. О развиваемой в ней концепции см. Смышляев 1991, 67–73.

⁵ См., в частности: Hopkins 1978; Bleicken 1982; Ando 2024.

⁶ Hopkins 1978, 183, 186.

⁷ Wallace-Hadrill 1982.

⁸ Laurence, Paterson 1999, 183.

вариант: он был императором и, следовательно, богом; при этом французский историк особо подчеркнул значение монархического чувства среди подданных и тех подсознательных правил, которыми направлялось и ограничивалось поведение принцепса⁹.

Действительно, в современных интерпретациях императорской власти акцент все более переносится на то, как репрезентировались и воспринимались властные полномочия и положение императора, его образ в разных группах подданных. В русле такого подхода император рассматривается с точки зрения не только того, что он делал как законодатель, судья, администратор и военачальник, что он писал или говорил, но и того, каким он был в воображении и ожиданиях подвластных. Показательно, что начиная с 2000-х гг. в работах об императорской власти (как в эпоху принципата, так и при доминате) все чаще в качестве ключевых используются такие понятия, как репрезентация и образ¹⁰. С 1990-х гг. и особенно в самые недавние годы весьма активно стала изучаться также история императорского двора как сложного социокультурного и коммуникативного пространства взаимодействия между правителем и его ближайшим окружением¹¹. На качественно новом уровне исследуются ритуально-церемониальные практики с участием императоров¹², их повседневная жизнь¹³, титулатура и неофициальные прозвища, которые тоже трактуются как специфическая форма коммуникации между правителем и подвластными¹⁴ и, рассмотренные в своей совокупности, позволяют сказать, что император был и тем, как он именовался¹⁵.

В таком историографическом контексте, который характеризуется явной сменой общей исследовательской парадигмы и серьезными результатами в конкретных предметных областях, вполне закономерной стала потребность в новых трудах обобщающего синтетического характера, призванных суммировать наработанный в последние десятилетия материал и предложить целостную картину римской императорской власти, соответствующую современному уровню развития науки. Именно такую задачу, как представляется, решают три рассматриваемые монографии, каждая из которых так или иначе отталкивается от идей Миллара, чтобы переосмыслить его концепцию и восполнить имеющиеся в ней пробелы. Примечательно, что Бирд в период работы над книгой в своей заметке в «The Times Literary Supplement», очерчивая круг проблем в изучении римских императоров, подчеркнула необходимость по-новому перечитать труд Миллара¹⁶, и, как отметил в своем отклике на уже увидевшую свет монографию Г. Сайдботтом, «behind this book lurks *The Emperor in the Roman World* by Fergus Millar»¹⁷. В свою очередь, Бирд оценивает монографию Хекстера как диалог с Милларом¹⁸, а сам Хекстер именно ему посвящает свое исследование, отмечая, что оно стало продолжением бесед с именитым ученым в Оксфорде в 1998 г. Христофору видит цель своего исследования в том, чтобы дополнить знаменитое определение Миллара, показав, что император был и тем, чем он казался¹⁹.

⁹ Veyne 2002 (перепечатано с некоторыми изменениями: Veyne 2005, 15–78; английская версия с несколько измененным названием: Veyne 2003).

¹⁰ См., например: Benoist 2001; De Blois, Erdkamp, Hekster, et al. (eds) 2003; Noreña 2011. В числе коллективных трудов самого недавнего времени см.: Burgersdijk, Ross (eds) 2018; Russell, Hellström (eds) 2020; García Ruiz, Quiroga Puertas (eds) 2021; Gangloff (ed.) 2022; Davenport, Malik (eds) 2024.

¹¹ Например: Winterling 1999; Kelly, Hug (eds) 2022; Davenport, McEvoy (eds) 2023; Rollinger 2024. См. также Махлаюк 2024.

¹² Например: Benoist 2005; Arena 2010.

¹³ Например: Berry 2013; Stothard 2023.

¹⁴ Об императорской титулатуре как форме диалога см. новейшее капитальное исследование Bönisch-Meyer 2021. О неформальных прозвищах императоров см. Makhlaiuk 2020 (с литературой); применительно к поздней империи: Ведешкин 2021 и 2022.

¹⁵ Makhlaiuk 2020, 208.

¹⁶ Beard 2020.

¹⁷ Sidebottom 2024.

¹⁸ Beard 2024, 373.

¹⁹ Christoforou 2023, 37 (cp. p. 34: «the emperor was not only what he did but also what he was imagined to be»). Cp. Hexter 2015, 1: «Roman emperorship was an ideological construct, and the emperor was

2. М. БИРД: ЧЕМ ПРАВИТЕЛИ РИМА БЫЛИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА

В чем же именно названные авторы развивают исследование Миллара, где они с ним расходятся, какие собственные идеи выдвигают и насколько убедительно их обосновывают? Для ответа на эти вопросы обратимся сначала к книге Бирд, которая, в отличие от двух других, рассчитана не только на специалистов, но и на более широкую читательскую аудиторию и предлагает наиболее разносторонний взгляд на имперскую систему, основываясь как на собственных изысканиях автора, так и на суммировании результатов исследований в специальных областях.

Действительно, эта книга написана, как и другие работы Бирд, весьма увлекательно и остроумно. Начиная с пролога, посвященного экстравагантным пирам императора Гелиогабала, она погружает читателя в парадоксальный мир Римской империи. В десяти главах и эпилоге автор охватывает ее историю от Юлия Цезаря до Александра Севера. Книга снабжена большим количеством отлично подобранных иллюстраций. Ее основной текст не имеет ссылок на источники и литературу, но указания на главные источники и дельные обзоры основных публикаций по темам глав, а также рекомендации по посещению исторических мест и памятников в Риме и на территории римских провинций даны в разделе «Further Reading and Places to Visit».

Поставленный Милларом вопрос «Кем был римский император?» М. Бирд переформулировала: «Что значило быть римским императором?». Она стремится не только осветить проблемы приобретения, осуществления и утраты верховной власти, управления (прежде всего «ручного»), осуществляемого самим императором как «трудолюбивым бюрократом» либо непосредственно через корреспонденцию, судебные заседания, речи в сенате и на воинских сходах, либо через многочисленных помощников разного статуса), коррупции, заговоров, но и дать полнокровную картину той повседневной реальности, в какой жили и действовали римские правители и их окружение: как они ели, путешествовали и развлекались, какими выглядели в шутках и насмешках, кто с кем спал и т.д. Не менее значимым предметом, интересующим автора, являются те представления и истории, ложные или правдивые, об императорах, т.е. «emperors of the imagination», по выражению Бирд. Акцентирует она и тот обман, на котором основывалось единоличное правление в целом, представлявшее собой «странную и тревожную дистопию, построенную на лжи и фальши» (р. ххi). Эти истории, подобные тем, что рассказывались об эксцентричном поведении Гелиогабала, включали преувеличения, фантазию, сплетни, клевету, городские мифы, но они были, как подчеркивает автор, одним из способов, с помощью которых люди конструировали образ своих правителей, судили о них, обсуждали характер власти; причем не следует предполагать, что рассказы о неброской административной работе заслуживают большего доверия, чем истории о гламурных изысках. Таким образом, концентрируя главное внимание на фигуре императора, Бирд стремится выявить, чем правители Рима были похожи друг на друга и что, следовательно, составляло суть emperorship, а через их отношения с подданными показать и жизнь простых людей Рима и его империи. Поэтому, как подчеркивает автор, ее книга – и о правителях, и о подвластных.

Привлекая всю совокупность источникового материала – от анекдотов, сохранных литературной традицией, надписей, монет и папирусов до императорских портретов и материалов раскопок дворцовых комплексов и вилл²⁰, Бирд дает проблемно-тематическое освещение названных вопросов. В первых двух главах речь идет о зарождении и основах римской версии автократии²¹, о сущности императорской «работы», о том, кем были люди, занимавшие престол (глава 1 «One-Man Rule: The Basic»), и как они оказывались на нем (гла-

also, therefore, what he appeared and was perceived to be».

²⁰ Почти безукоризненное знание и умелое использование археологического материала отмечено в рецензии, написанной археологом: Burrell 2024.

²¹ Здесь, как и в других разделах, Бирд использует эффектные, афористические формулировки, заявляя, например, что та Римская держава, которая сформировалась в эпоху Республики,

ва 2 «Who's Next? The Art of Succession», где отмечается, что наследование власти и связанные с ним проблемы лежали в основе имперской истории, суждений и памяти о римских правителях). Тема императорских банкетов, заявленная в Прологе, ярко раскрывается в главе 3 «Power Dinning», в которой автор исходит из того, что в любой культуре совместные трапезы – особенно те, что устраивали монархи и другие важные персоны – играют немаловажную роль в конфликтах вокруг власти, поскольку поведение правителя в качестве хозяина и сотрапезника воспринималось как показатель его добродетели или порочности²². Именно пиры, по мнению автора, концентрированно высвечивают образ и стиль жизни правителя, позволяют через анализ их участников, антуража, семантики и эксцессов увидеть императора таким, каким он был на самом деле, и в то же время затронуть другие важные темы: императорский садизм и щедрость, роскошь и террор, социальная иерархия, ибо, по словам Бирд, «мир императора начинается в трапезном зале» (p. 86).

Этот мир имел физическое воплощение в архитектуре и организации обслуживания императорских резиденций (глава 4 «What's in a Palace?», в которой автор задается вопросом, где императоры жили и что они называли своим «домом», и показывает, как возникла и развивалась, воплощаясь в различных архитектурных решениях, сама идея императорского дворца, что он говорил об императоре и его власти, какие амбициозные претензии, помимо хвастливой показухи или столь же показной скромности, были заложены в его структуру). В следующих главах («Palace People: The Emperor in his Court» и «On the Job») рассказывается о том, какие люди непосредственно окружали императора, как были устроены дворцовые ритуалы, как можно было получить доступ к принцепсу, что конкретно последний делал, осуществляя свою власть (что ему приходилось читать, писать, диктовать), какое значение имели деньги и богатства как основа власти и отношений между правителем и подданными (ибо император не просто правил римским миром, но вместе со своей семьей владел значительной его частью, а раздача денег народу считалась неременной обязанностью императора). Глава 7 «Time off?» неслучайно имеет вопросительный знак в своем названии, поскольку, по мнению Бирд, понятия «досуг» и «свободное время» вводят в заблуждение, когда речь идет об автократическом правителе, тем более в Риме с его развитой индустрией публичных зрелищ, устройством, зрителем или же непосредственным участником которых был император. Отношение последнего к играм служило важным критерием его оценки, и «выходной день», проведенный императором в цирке, амфитеатре или в театре, мог иметь политическое значение и для него, и для собравшейся толпы зрителей.

В главе 8 «Emperors abroad» речь идет о путешествиях и военной роли императоров, прежде всего связанной с участием в боевых кампаниях. В роли военного лидера императоры, как справедливо полагает Бирд, должны были соблюдать тонкий баланс между образами верховного главнокомандующего и героического военачальника в традиционном римском стиле, ведущего свои войска в бой и являющегося боевым товарищем своих солдат. При этом, как не без иронии замечает автор, статуи императора в боевом облачении не просто увековечивали его роль как полководца, но также были ее заменой, помогая скрыть тот факт, что в реальной жизни император нечасто надевал доспехи.

Глава 9 «Face to Face» посвящена коммуникации императора с подданными, главным образом характеру и функциям императорских изображений (от монументальной скульптуры и монет до украшений и посуды, что делало их частью домашней повседневности, неким подобием современных магнитов на холодильник). Эти тщательно сконструированные образы власти первоначально были не унылым стереотипом, а шокирующим новшеством (the shock of the new), продуктом «скульптурной революции», восходящей к Юлию Цезарю и вылившейся при Августе в «стиль политического реализма»; причем портреты женщин императорской семьи были еще более революционным

«постепенно разрушила отличительные структуры правительства, которые изначально ее создали, проложив путь единоличному правлению. Империя создала императоров, а не наоборот» (p. 32).

²² Такой подход характерен для новейших исследований. См. Vossing 2004; Roller 2022.

новшеством. Как признает автор, ясного ответа на вопрос, как обеспечивалось распространение по всей империи единообразных портретов, нет. Важно, что они не были посвящены индивидуальным личностям и мало что говорят о характере конкретного правителя, но чаще всего предстают как копия своего предшественника, что было полезной тактикой для утверждения прав на власть, а подчеркнутое отличие (скажем, «приземленность» в случае Веспасиана) было частью политического послания, а не раскрытием индивидуального характера²³. При этом изображения также должны были убеждать человека, занявшего престол, что он действительно был императором Рима.

В заключительной главе, озаглавленной известными словами Веспасиана «Кажется, я становлюсь богом», рассматриваются проблемы обожествления и культа императоров и отмечается, в частности, что кажущиеся необычными черты этой практики вполне вписываются в традиционные римские представления о том, кем были боги и как их власть действовала в мире, ибо аксиоматическая связь политики и религии создает контекст, в котором связи между императором и богами не кажутся столь надуманными и циничными, какими они выглядят на современный взгляд. В Эпilogue Бирд объясняет, почему завершает свое повествование 235 г. н.э., концом правления Александра Севера: дело не в том, что последующие императоры были «плохими», а не «хорошими» в традиционных терминах, а в том, что координаты того, что значило быть римским императором, резко изменились, и, хотя очевидные новшества последующего времени по отдельности не были столь большими, как их часто представляют, человеку, близкому к императорскому двору Юлиев-Клавдиев, мир Максимиана Фракийца или Гордианов показался бы странным и незнакомым местом. По мнению автора, к началу IV в. восстановление власти императора, по-видимому, произошло за счет увеличения дистанции между правителем и подвластными и миф об императоре как об «одном из нас» имел гораздо меньше смысла, чем прежде.

Каждая из глав содержит оригинальные суждения, среди которых можно выделить несколько наиболее интересных. Так, предлагая в главе 1 описание «императорской работы», Бирд ссылается на «Деяния божественного Августа», которые, по ее мнению, заведывали три главных требования к последующим императорам: они должны осуществлять завоевания, быть благотворителями и финансировать новые здания или восстанавливать те, что пришли в упадок (при этом по поводу восстановленных Августом храмов Бирд остроумно замечает, что это, безусловно, было частью кампании «Сделаем Рим снова великим», которая проводилась после окончания гражданской войны) (р. 43). В качестве основополагающих противоречий принципов Бирд указывает на изначально заложенную в нем взаимозависимость императора и сената и на дестабилизирующее двоемыслие. В этих отношениях «всё было не совсем так, как казалось. С обеих сторон редко имелось в виду именно то, что говорилось, и это расхождение между видимостью и реальностью питало недоверие» (р. 54). При этом, несмотря на такое двуличие, в большинстве своем сенаторы были готовы или рады сотрудничать с принцепсом, будь он «хорошим» или «дурным», и, хотя, очевидно, существовала тонкая грань между «сотрудничающими» и «коллаборационистами», между вежливыми и подобострастными, благодаря таким людям система, созданная Августом, работала.

Говоря о людях, оказывавших на императорском престоле, Бирд справедливо подчеркивает, что правители во плоти были гораздо более разнообразны (в том числе и по этническому происхождению) и неоднозначны с точки зрения их морально-политических качеств, чем можно было бы себе представить, глядя на ряды похожих друг на друга императорских бюстов из белого мрамора. Как замечает автор, если императоров убивали,

²³ Частью этой императорской преемственности были мелкие корректировки и переделки, прослеживаемые на десятках сохранившихся скульптурных портретов, у которых головы или черты лица одного правителя заменяются на облик другого, что может быть истолковано не только как предание забвению предшественника, но и как показатель того, насколько взаимозаменяемыми были императоры.

потому что они были чудовищами, то столь же вероятно, что их превращали в монстров, потому что их убили; каково бы ни было их поведение при жизни, большая часть их посмертной репутации всегда определялась (и переопределялась) преемниками и иногда запутанными обстоятельствами наследования. В описаниях императорских пиршеств Бирд вновь указывает на границу, разделяющую повседневные реалии и фантазии, и подчеркивает, что целью рассказов о поведении и шутках императоров на пиру, независимо от их происхождения и от реальных злоупотреблений, был сам правитель. Эти анекдоты следует рассматривать не столько как свидетельства о реальных поступках императора, сколько как предупреждение последующим правителям о том, как не следует себя вести. Интересное объяснение дает Бирд присутствию на императорских обедах карликов и инвалидов, включая глухих или слепых: аномальные тела этих маргинальных персонажей помогали по контрасту определить тела тех, кого они «развлекали» (императора, знать или придворных) как совершенные, скрывая реальные телесные недостатки элиты.

Разбирая же конкретную «управленческую» работу императора, Бирд обращает внимание на то, что, независимо от того, кто был реальным составителем императорских решений, они воспринимались как исходящие непосредственно от правителя, и поэтому он был еще и тем, что он писал или говорил (р. 214). Она в целом солидарна с «примитивистской» концепцией Миллара, подчеркивая, что образ всемогущего императора, по щелчку пальца меняющего мир, более обманчив, чем образ усердного бюрократа, и столь же обманчива идея о том, что императоры или их советники разрабатывали политику как таковую, в современном смысле долгосрочного стратегического планирования (даже Август, осуществивший более «связанную» программу преобразований, чем любой более поздний правитель, был импровизатором, который стал стратегом в значительной степени в ретроспективе). По словам Бирд, значение многих императорских постановлений – от запрета кастрации до запрета оскорбительных пасквилей на знатных людей – было скорее символическим, чем практическим. Соглашается Бирд и с принятым в современной науке мнением, что, вопреки суждениям некоторых аналитиков в нынешних военных академиях, в Римской империи практически не было долгосрочной военной политики и тем более «большой стратегии»²⁴.

Безусловно, британская исследовательница права в своем итоговом выводе, заявляя, что императорская власть в Риме, как и во многих других автократических режимах, зависела от людей, которые ее принимали, к ней приспосабливались или даже считали ее удобной системой для жизни, никогда не зная никакого другого режима. Именно «этот коллаборационизм и это сотрудничество – осознанное или наивное, с благими намерениями или нет – поддерживали автократию» (р. 364–365). В то же время единичное правление показано в книге как неизбежное притворство и своеобразный перформанс, как переворачивание «естественного» порядка вещей и замена реальности обманом. По признанию Бирд, взгляд на самодержавие как на фундаментальную подделку, обман, кривое зеркало помог ей лучше понять древнеримскую политическую культуру и открыл глаза на политику современного мира; хотя императорский Рим может дать нам очень мало прямых уроков и тем более готовых решений нынешних проблем, изучение его истории помогает увидеть наш собственный мир по-другому. В таком признании, несомненно, сказывается общественный темперамент автора, для которого антиковедение не является сугубо академической, замкнутой на себе дисциплиной, но служит самопознанию современной цивилизации.

Таким образом, в понимании Бирд римский император предстает не столько как самовольный носитель индивидуальных качеств, делающих его образцом доблести или тиранства, не просто как воплощение функций, определяемых правом и идеологией, делегированными властными полномочиями и реализуемыми в повседневной государственной деятельности, но как многогранный образ, который создавался театрално-перформативными, символическими, изобразительными и вербальными

²⁴ Здесь автор выступает против известной концепции Э. Люттвака (Luttwak 1976). Обзор многолетних дискуссий по этом предмету см. Saez Geoffroy 2017.

средствами, ориентированными на ожидания и реакции людей на разных уровнях социальной иерархии. Этим и определяется специфика римского *emperorship*. Трудно, однако, согласиться с мнением уважаемого автора, что это была «фундаментальная подделка и обман». Правильнее всё же говорить об исторически сложившейся системе, которая формировалась из элементов и средств, имевшихся в распоряжении тогдашнего общества, во многих отношениях она была весьма эффективной и не вызывала массового отторжения и катастрофических сбоев.

3. О. ХЕКСТЕР: ИМПЕРАТОРСКИЕ РОЛИ И ОЖИДАНИЯ ПОДДАННЫХ В МЕНЯЮЩЕМСЯ РИМСКОМ МИРЕ

Во многом по тем же направлениям, что и Бирд, строит свое исследование Хекстер, останавливаясь на административной, военной, религиозной и гражданской ролях императора в столице и провинциях, на вербальных и иконографических формах их репрезентации, на непосредственном окружении правителя (прежде всего придворном). Всё это рассматривается через призму тех ожиданий подвластных, на которые вольно или невольно ориентировались верховные властители. Соответствующим образом выстраивается структура монографии, включающая Введение (с характерным подзаголовком «Императоры и ожидания») и четыре главы: 1) «Portraying the Roman Emperor», где исследуются разнообразные атрибуты и семантика образа императора (наименования и титулы, изображения, одеяние и такие инсигнии, как венок и скипетр); 2) «Playing Imperial Roles», где речь идет о соответствующих ролях императора и представлениях об образцовом правителе; 3) «Being around the Emperor», посвященная императорскому окружению – институциональному (сенаторы и епископы), придворному и семейному; 4) «The Emperor in the Capital and Provinces», в которой основное внимание уделено ожиданиям, относящимся к выполнению императором ролей гражданского, военного и религиозного правителя в столичном и провинциальном контекстах. В Заключение (с подзаголовком «Emperors in a Changing World») суммируются рассмотренные аспекты преемственности и эволюции императорской власти.

Таким образом, ключевыми категориями исследования Хекстера являются «изменения» и «ожидания», которые, по сути, и означают существенное новшество его подхода²⁵. В отличие от Миллара и Бирд, Хекстер существенно раздвигает хронологические рамки вплоть до конца правления Юстиниана (527–565), чтобы проследить изменения в характере и способах функционирования императорской власти, не упуская при этом из виду сохранявшуюся на протяжении 600 лет преемственность в ее сущности, атрибутах и функциях. Он, по сути дела, также берется определить, чем был римский император, отмечая, что четкой дефиниции до сих пор нет, как нет и бесспорной даты начала или конца римской императорской власти, что делает весьма насущной задачей выяснить, как *emperorship* формулировалось и воспринималось, балансируя «на туго натянутом канате» между необходимостью адаптации к меняющимся историческим условиям и сохранением континуитета. Решая эту сложную задачу, автор исходит из коренного противоречия в положении принцепса, который изначально возвышался как фактический монарх и в то же время должен был играть традиционные «сенаторские» (магистратские) роли в гражданской, военной и религиозной сферах. При этом императорская власть означала разные, подчас взаимоисключающие, вещи для разных людей в различных контекстах, и поэтому императору необходимо было быть разным в рамках существующих взглядов на мир. Хекстер дополняет определение Миллара: «император также был тем, что люди ожидали от него» (р. 16), а это во многом зависело от того, что делали и как оценивались предшествующие императоры, поскольку ожидания зависели от того, как люди воспринимали свое прошлое, какое поведение правителя считалось приемлемым или, напротив, вызывало критику по мере инкорпорации императорской власти в политический ландшафт.

²⁵ Cp. Feeney 2023.

На ожидания в немалой степени влияли и визуальные образы, формировавшие тот *metoyscape*, в котором жили подданные Империи. Автор по ходу изложения широко привлекает нумизматические и иконографические данные, которые отражены в многочисленных иллюстрациях и диаграммах и опираются на современные электронные базы данных, в том числе созданные при участии автора²⁶. Вполне обоснован (и созвучен мнению Бирд) вывод о том, что в императорских изображениях со временем важность демонстрации самой власти стала значить больше, чем передача индивидуальных черт правителей, но в целом сохранялась стабильность изобразительного языка и ключевых «посланий», хотя, разумеется, изображения позднеантичных императоров, увенчанных диадемами и одетых в пурпур, окруженных стражей и придворными, далеки от относительной простоты времен Августа. Постепенное утверждение этих атрибутов как приемлемых символов императорской роли показывает, по мнению Хекстера, те же противоречия между новшествами и традициями, которые возникали и в начале принципата, когда еще только складывалась практика изображения и именованья принцепса, в которой необходимо было избежать «царственности» (*appearing regal*), сохранить связь с римским гражданским коллективом и в то же время обозначить исключительность единоличного правителя. Подобно Бирд, нидерландский историк считает, что монументальные изображения императоров и ожидания, которые они создавали, влияли на действия самих императоров. Но такое влияние изображений едва ли возможно подтвердить каким-либо конкретным материалом, хотя если добавить сюда литературный дискурс и историческую память о военных достижениях прежних поколений римлян, данный вывод в целом можно принять.

Хекстер значительно больше, чем Бирд, уделяет внимания императорским именам и титулам, рассматривая их как своеобразный диалог между правителями и подданными, как одну из форм выражения ожиданий от власти и прослеживая связь их изменений с эволюцией государства и общества. Впрочем, вне поле зрения оказывается то великое разнообразие неофициальных титулов, которыми императоры наделялись на греческом Востоке империи²⁷. Хекстер тем не менее прав, связывая изменения в этой сфере с необходимостью сделать политические и религиозные новшества понятными римским подданным через продвижение тех или иных образов и идей, как показывают, например, рост числа «республиканских» титулов при Веспасиане, всплеск военных образов и имен в III в., появление диадемы в правление Константина.

Что касается тех ролей, которые играл император, то, по мнению Хекстера, относящиеся к ним ожидания оставались, на удивление, стабильными на протяжении столетий (одолеть врага, обеспечить *paх deorum* и при этом сохранить имидж «гражданского» магистрата), что серьезно ограничивало свободу императоров создавать собственную уникальную императорскую «личность». При этом отдельные аспекты этих ролей утверждаются не сразу. Так, божественный характер императорской власти лишь с течением времени становился приемлемым для большинства. Созданный Августом прецедент предполагал следование образу *civilis princeps* и сенаторскому идеалу *vir bonus dicendi peritus*, но, как замечает Хекстер, для большей части населения император в этой роли затмевался божественным и победоносным монархом. Также и роль судьи и законодателя была важна главным образом для элит Рима и провинций; соответственно, императоры, выступающие перед гражданами, редко изображались на монетах и памятниках²⁸. Для Хекстера это служит весомым аргументом, чтобы подвергнуть критике восходящее к Миллару представление об императоре как усердном администраторе. По словам автора, «император вполне мог тратить большую часть своего времени на административные дела (и в этом смысле он был тем, что он делал), но большинство его подданных ожидали, что он будет делать что-то другое» (p. 163), и это также было ожиданием, которому им-

²⁶ Такие как «Roman Imperial Portraits Dataset» (<https://imperialportraits.rich.ru.nl/>) и «Last Statues of Antiquity» (<http://laststatues.classics.ox.ac.uk/>).

²⁷ См. Махлаюк 2018.

²⁸ Подробнее см. Hexter 2020.

ператоры должны были соответствовать. В позднеантичный период «гражданская» роль императоров уменьшается, что отражается в изображении их преимущественно в «монархическом» облике, тогда как идея *civilis princeps* остается уделом речей и трактатов римской элиты, хотя не исчезает полностью и во времена Юстиниана. Ставя вопрос об относительной значимости трех главных ролей императора, Хекстер обращается к анализу нумизматического материала, суммируя его в диаграммах, которые наглядно показывают усиление акцента на военной роли императора за счет гражданской. И хотя баланс между тремя различными ролями менялся, любому императору было трудно и даже невозможно полностью игнорировать любую из них, и в этом смысле *emperorship* демонстрирует поразительную преемственность.

Такую же преемственность, даже после переноса столицы и христианизации в позднеимперский период, Хекстер обнаруживает и в составе императорского окружения. Констатируя, что в начале принципата не существовало ни официальных помощников и советников императора, ни системы назначения на управленческие посты, он подчеркивает, что принцепсу необходимо было публично взаимодействовать с традиционной элитой и оказывать ей должное почтение, что придавало этой элите весомый статус и поощряло ее судить об императоре по республиканским критериям. Это было выгодно как сенаторам, которые сохраняли свою общественную значимость, так и императору, который мог упрочить свою легитимность за счет поддержки традиционной элиты. Сенаторы были нужны как символ: они обеспечивали связь с прошлым и преемственность правления. Сенат функционировал как своего рода противовес верховной власти императора, даже если отдельные сенаторы полностью были обязаны императору своей карьерой и жизнью. Контроль над неограниченной властью действовал в том смысле, что «хорошие» императоры должны были соблюдать сенаторские нормы. Аналогичную позицию в своих взаимоотношениях с императором занимали епископы в эпоху Поздней империи.

В русле новейших исследований императорского двора Хекстер обращает внимание на отсутствие в Римской империи придворной аристократии, чье положение и богатство зависели от должностей при дворе. Решающим фактором было только благорасположение правителя, а это значило, что огромное влияние на императора могли получить лица, которые иными путями никогда бы не поднялись по иерархической лестнице. В целом же друзья и советники принцепса – официальные и неофициальные – были заинтересованы в сохранении имперской системы, вполне могли сотрудничать с разными правителями и изменять некоторые идеи императора; не подлежит сомнению, что большая часть повседневных дел при дворе и мелкие запросы, поступающие императору, решались его окружением ('establishment teams'). Анализ роли женщин из императорской семьи показывает заметную преемственность в ожиданиях, связанных с их поведением, хотя, по-видимому, положение изменилось после того, как империя стала христианской, когда элитой было признано влияние императриц; положение последних тем не менее никогда не было формализовано, как и назначение императорских наследников (лишь в поздней Империи назначение молодых сыновей наследниками и соправителями стало нормой и было настолько близко к формальной процедуре, насколько это вообще возможно в Риме; неудача же тетрархии, вероятно, объясняется тем, что исключение сыновей императоров из системы власти противоречило традиционным ожиданиям). Так или иначе, определяющую роль играли противоречия между представлениями о гражданском и авторитарном правлении, между растущим признанием среди элиты влияния женщин и «людей императора» и сохраняющимся среди той же элиты представлением о надлежащем «традиционном» способе управления империей.

Важное новшество в работе Хекстера – рассмотрение региональных различий в восприятии образа императора, их обусловленности доимперскими традициями и специфическими локальными *metogscapes* (дворцовым комплексом на Палатине в Риме, общественными пространствами в провинциальных городах и т.д.). Выбор того или иного варианта репрезентации главы империи был тесно связан с выгодами, которые это

приносило лицам, возводившим памятник или инициировавшим культовое почитание императора. При этом если изображения императоров в восточных городах более явно включались в локальный контекст, то в западных провинциях – больше следовали образцам, исходившим из центра. Местные элиты на западе выпускали провинциальные монеты, чтобы продемонстрировать свою преданность Риму и подчеркнуть свою «римскость», в то время как монеты греческих городов подчеркивали, какую выгоду приносила близость к императору конкретному городу и его элите. Эти местные интерпретации, по мнению Хекстера, были лишь разным «выражением» императорской власти (a different 'phrasing' of emperorship), а не иной идеей о том, кем должен был быть и что делать император. В столице и в провинциях люди имели разные ожидания, но эти ожидания были ограничены довольно статичным репертуаром императорских ролей.

Подводя итоги своего исследования, Хестер делает парадоксальное утверждение, опять-таки акцентируя роль ожиданий: «Римского императора не существовало. Конечно, большую часть времени <...> в Риме, а позже в Константинополе был человек, который фактически правил империей и именовался Августом. Но ожидания того, каким должен быть этот человек и что он должен делать, сильно различались. Разные люди в разных контекстах и в разное время точно знали, чего ожидать от своего императора. Однако эти люди не обязательно соглашались друг с другом. То, что были такие разные ожидания, имело значение. Они влияли на то, как изображались и описывались императоры, как их помнили, на людей, которые их окружали, и даже на то, как они действовали» (р. 326). При этом ожидания относительно границ приемлемости постепенно расширялись через прецеденты (в одежде, титулах, символах власти), делая ранее неодобряемые способы поведения нормой, но всё это оставалось неформализованным в «официальном» или юридическом смысле. Часто действия считались приемлемыми, если их совершал император или императрица, которых относили к «хорошим», тогда как то же самое поведение осуждалось для «плохих» властителей. Используемые для понимания императорской власти концепты и образы со временем меняли свое значение, но ее изменявшийся облик оставался укорененным в прошлом, а императоры продолжали быть разными для разных людей. Римским императорам, таким образом, приходилось быть многогранными и считаться с противоречивыми ожиданиями. Поэтому тот калейдоскопический образ «императорства», что представлен в источниках, – это не искажение, а отражение множества ролей, которые должен был играть каждый император. Именно в этом смысле не существовало такого понятия, как римский император. Сами же ожидания людей от своего императора во многом определялись местными традициями, но, главное, тем, как вели себя и какую память о себе оставили предыдущие правители, как они запечатлелись в памятниках и рассказах. Соответственно, даже с точки зрения репрезентации императоры были в основном пассивными правителями, реагирующими на ожидания своих подданных, но некоторым из них удавалось, несмотря на конфликты с определенными группами, производить изменения. Поскольку постоянно взаимодействовали различные способы формулирования и переформулирования императорской власти, можно говорить, что коммуникация по ее поводу шла и сверху вниз, и снизу вверх, существовали определенные местные и социальные диалекты и дискурсы, посредством которых представлялась императорская власть, а формулирование императорской власти было в равной степени игрой в испорченный телефон (a game of Chinese whispers) и целенаправленной пропагандой.

4. П. ХРИСТОФОРУ: МНОГОГРАННЫЙ ИМПЕРАТОР МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ВООБРАЖЕНИЕМ

Эта сущностная многогранность римского императора находится и в центре внимания Христофору (характерно, что предисловие к его книге называется «In omnibus varius – A Multifaceted Emperor»). Предлагая не столь широкий охват граней римской императорской власти, как Бирд и Хекстер, британский историк тоже стремится показать, кем император был с точки зрения жителей Империи, что и как люди говорили и думали о нем, какие

ожидания на него возлагались. Положение императора, по Христофору, характеризуется набором бинарностей: пассивный администратор, отвечающий на петиции, и божественная фигура, средоточие культа; принцепс среди *cives* и фактически высший властитель, который стоял над законами, но жил в соответствии с ними; лицо, радикально свободное от принуждения и скованное обязанностями быть моральным образцом. Христофору, делая акцент на лиминальности императора как фигуры, занимающей пространство между реальным и воображаемым, интересуется не внешними проявлениями этого положения, но самой идеей «императорства», какой она была у подданных. Так же как Хекстер, он во главу угла ставит ожидания подданных как один из факторов, определявших поведение и восприятия правителя. Речь идет о том, что автор определяет понятием «*thought-world about the Roman emperor*» – «мир мыслей о римском императоре», который помещал императора между неформальной внеконституционной властью и политическими институтами, должностями и обычаями. Свою задачу Христофору видит в том, чтобы обнаружить в имеющихся свидетельствах «глас народа» (*the 'Popular' Voice*) (хотя его зачастую трудно отделить от мнений элиты) и оценить потенциал множественности голосов в разговорах об императоре. В отличие от нидерландского коллеги, британский историк фокусируется на письменных источниках, используя иконографические и нумизматические материалы лишь для контраста.

В главе 1 «*A History of the Roman Emperor*» обсуждается многозначность императора, заложенная в самом его «конституционном» положении и способствовавшая его восприятию как многогранной и трансцендентной фигуры, ибо он был не только принцепсом в самом Риме, но и высшим магистратом, гегемоном, базилевсом или даже богом по всему римскому миру. Именно через эти различные его роли Христофору стремится воссоздать «гобелен мнений» вокруг идеи императорской власти, учитывая конкретные контексты, в которых эти мнения возникали и циркулировали (при императорском дворе, в цирке, в провинциальных городах и т.д.). Сама фиксация в источниках таких мнений (пусть даже анекдотических и вымышленных) свидетельствует, что император и его окружение были объектом пристального внимания и прямой коммуникации со стороны римского народа, а сам принцепс был «*challengeable and criticisable*», т.е. рассматривался как тот, кому может быть брошен вызов и адресована критика. При этом для Христофору важно рассмотреть восприятие римского императора снизу вверх, с точки зрения подданных, а не сверху вниз, т.к. римская политическая идеология основывалась на ожиданиях и контроле не только элиты, но и на идее о суверенитете *populus Romanus*. Поэтому то, что люди думали об императоре, действительно имело значение для функционирования системы. Ожидания обуславливались правовой традицией и прецедентами, число которых все более увеличивалось с каждым новым императором, а также примерами из прошлого, которые не обязательно были исключительно римскими. Не важно, насколько эмпирически реальными были рассказываемые истории (например, об императорах и разбойниках), важно, что само воображение отражает то, что люди думали об императоре.

Всё это было частью того диалога, через который в обществе формировался образ императорской власти в разных ее «ипостасях», таких как правосудие и благодеяния, которые рассматриваются соответственно в главе 2 «Император как арбитр правосудия» и главе 3 «Щедрость римского императора» (в этой главе автор касается также вопросов династического преемства, передачи, легитимности и акцептации власти). При обсуждении проблемы легитимности императорской власти Христофору обращает внимание на неформальный способ выражения конституционных урегулирований (*settlements*). В частности, такое неформальное утверждение императора происходило на конституционных аренах, принцепс был активно включен в общественную жизнь и гражданские ритмы Рима. Христофору, таким образом, модифицирует известную концепцию Э. Флайга об акцептации императора²⁹, указывая, что не менее важными факторами «принятия»,

²⁹ Flaig 1992.

чем действия трех главных сил (армии, сената и столичного плебса), были связи претендента на власть с *Domus Augusta* (т.е. династический момент) и влияние, приобретенное благодаря республиканским магистратурам, а успех акцептации и будущая репутация императоров зависели от его щедрости.

Две следующие главы посвящены темам, которые лишь недавно стали предметом специального интереса. В главе 4 «Wonder Tales» рассматриваются чудеса, которые связывались с императорами (это и рассказы о *mirabilia*, и собрания диковин, и предметы, демонстрируемые в триумфах, сцены на зрелищах). Здесь, по словам автора, мы имеем дело с таким взглядом на мир, в котором император опять-таки оказывается лиминальной фигурой, находящейся между полюсами морали, власти и божественности. В соответствующих рассказах император одновременно предстает арбитром и покровителем диковинного и сам является монстром, изображается как персонаж героический, мифический, чудесный и ужасающий. Близость императора к диковинам и чудесам позволяла воображению придавать императору фантастические и чудовищные образы, делая объектом удивления и страха и показывая, чем казался император. Чудесные истории были частью народного дискурса об императоре, сопровождавшего его на протяжении всего правления и после. Этот дискурс является основной темой главы 5 («Wisdom and Wit: Making Fun of the Emperor»), которая посвящена политическому юмору, связанному с императорами. Автор сначала обращается к тому, что он называет «публичные и скрытые транскрипты в императорском юморе», и показывает, как юмористические эпизоды и анекдоты, где император был главным адресатом (или источником) шуток, служили для моральных интерпретаций и критических оценок отношений между правителем и подвластными.

Наибольшей оригинальностью суждений отличается глава 6 «Жизнь в Золотой век, или император как темпоральная фигура», в которой анализируется сложная темпоральность, окружавшая императора как трансцендентную персону во времени и связанная с критикой его наследия и памятью о нем. Этот раздел, пожалуй, наиболее насыщен глубокомысленными обобщениями, которые, однако, не всегда сформулированы достаточно внятно и не просты для восприятия. Христофору, в частности, показывает, что в новых календарных системах, использовавших датировки по годам правления императора, последний становится фактором понимания и организации времени, который не вытесняет другие формы времени, а, скорее, взаимодействует с ними и проникает в них, превращаясь в общий знаменатель для различных эпистемологий видения мира, что указывает на всепроникающее значение императора в умах и жизни его подданных. Такая темпоральность находится в постоянном диалоге с прецедентами прошлого, образом настоящего и проекциями в будущее. Соответственно, автор подробно характеризует «императорское настоящее», «императорское прошлое» и «императорское будущее». В «настоящее» автор включает концепт «золотой век», который означает время изобилия и удачи и позволяет возвысить правящего императора над прошлым, сделав его правление исключительным в сравнении с другими. Этот концепт дает возможность под новым углом зрения раскрыть многие темы, рассмотренные в предыдущих главах: желание справедливости, надежды на изобилие и щедрость, причастность к чудесному и сверхъестественному, близость императора к людям более низкого социального положения и юмористический дискурс в отношении императора. Образы золотого века, связанные со взглядами не только элит, но и простого народа с религией и императорским культом, были мощным инструментом в формировании представлений о том, кем был и кем мог быть император — гарантом мира, поборником справедливости, щедрым благодетелем, посредником между известными и неизвестными явлениями в мире, маркером времени и чести, фактором идентичности индивидов и сообществ.

Анализируя «императорское прошлое», Христофору подчеркивает осознанное переформирование прошлого в римской культуре, прежде всего в историографии, способной проблематизировать наследие предыдущих императоров. Историография служила более широкому восприятию императора, формируя авторитетные взгляды для

потомков, и, таким образом, была важной частью дискурса о том, кем должен был быть император. Император не имел полного контроля над историописанием, несмотря на свою огромную власть и ресурсы для формирования нарративов в слове, иконографии и памятниках. Подобные игры памяти, по мнению автора, означают, что прошлое императора всегда было плодородной почвой для взаимодействия и голос императора, хотя и был весьма весомым, ни в коем случае не был единственным. «Императорское будущее время» (Imperial Futures) трактуется на основе анализа Сивиллиных оракулов, упоминающих императоров-самозванцев и «воскресшего» Нерона. Эти тексты обнаруживают, что будущее невозможно представить без ссылки на римское могущество, воплощаемое императором; даже люди, страдавшие под игом Рима, от которых можно было бы ожидать сопротивления и которые жили вдали от Рима, не могли мыслить себя вне римской власти. Рассматриваемая таким образом фигура императора приобретает вневременной характер. Император становится маркером, который может выходить за рамки времени и организовывать его, но на самом деле он остается включенным в постоянный диалог с прецедентами и примерами прошлого, ограничениями и ожиданиями настоящего, тревогами и неопределенностью будущего.

В общих итогах своего исследования, суммированных в заключительном разделе «Coda: The Worlds of the Roman Emperor», Христофору, отталкиваясь от идеи итальянского философа Дж. Агамбена о двух жизнях, заключенных в фигуре принцепса (природной и священной)³⁰, подчеркивает, что главный парадокс римского императора как исторического явления заключается в напряженном сосуществовании различных статусов в самом императоре с надеждами, страхами, ожиданиями его подданных. Император был одновременно и личностью, и символом. При этом содержание понятия «быть императором» менялось и развивалось в зависимости от личности того, кто им становился, и таким образом было связано с ним и памятью о нем в будущем, но также переосмысливалось с каждым последующим правителем. Всё это делает римское emperorship феноменом динамичным, запутанным и трудным для теоретизирования. Но его сущность так или иначе раскрывается, помимо прочего, в курьезных высказываниях, анекдотах и историях об императоре, известных в древности. В связи с этим Христофору видит новизну своего исследования в использовании широкого спектра такого рода свидетельств, поскольку они имеют фундаментальное значение для понимания императора с точки зрения того, как его воспринимали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя же общий итог нашего обзора, следует констатировать, что предложенные в трех новых книгах ответы на вопрос «Кем был римский император?», безусловно, заслуживают внимания как некая кульминация ранее наметившейся тенденции в современной историографии рассматривать феномен императорской власти (emperorship) не только и не столько в его традиционных институциональных или биографических «измерениях», как совокупность объективированных структур и практик, его составляющих, как некую надстройку над огромным зданием мировой средиземноморской державы, как набор индивидуальных траекторий власти, сколько как сложную коммуникативную систему, в которой имели место многообразные подспудные взаимодействия, горизонтальные и вертикальные, властителей и подвластных. Такой подход, по-особому нюансированный в каждой из рассмотренных книг, несомненно, обеспечивает гораздо более объемное видение и более целостное понимание феномена римской императорской власти и принципата в целом по сравнению с тем, что дают влиятельные концепции Ф. Миллара и Э. Флайга, поскольку доказательно демонстрируют важную, если не сказать, ключевую, роль тех факторов, которые раньше либо недооценивались, либо вообще не принимались в расчет, а именно: зависимость императорской власти от ожиданий и реакций под-

³⁰ Христофору ссылается на работу Agamben 1998 (рус. пер.: Агамбен 2011).

властных, от тех ментальных комплексов (thought-worlds в терминологии Христофору), которые формировались относительно императорской власти и транслировались самыми разнообразными средствами от анекдотов и придворных сплетен до монетных изображений и дискурсов императорских указов, от элитарной литературы (включая историографию) до зрелищ и монументальных «мест памяти» в имперских городах. Думается, в данном направлении имеются интересные перспективы дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Agamben, G. 1998: *Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford.
- Agamben, D. 2011: *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow.
- Агамбен, Дж. 2011: *Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.
- Ando, C. 2024: Petition and Response, Order and Obey: Contemporary Models of Roman Government. *Journal of Epigraphic Studies* 7, 129–144.
- Arena, P. 2010: *Feste e rituali a Roma: il principe incontra il popolo nel Circo Massimo*. Bari.
- Beard, M. 2014: *Laughter in Ancient Rome: On Joking, Tickling, and Cracking Up*. Oakland.
- Beard, M. 2017: *SPQR: Istoriya drevnego Rima* / Per. s angl. D. Popovoj [SPQR: *A History of Ancient Rome*]. Moscow.
- Бирд, М. 2017: *SPQR: История древнего Рима* / Пер. с англ. Д. Поповой. М.
- Beard, M. 2018: *Zhenshchiny i vlast': manifest* / per. s angl. N. Mezina [*Women and Power: A Manifesto*]. Moscow.
- Бирд, М. 2018: *Женщины и власть: манифест* / Пер. с англ. Н. Мезина. М.
- Beard, M. 2019: *Civilizatsii: Obrazy lyudey i bogov v iskusstve ot Drevnego mira do nashikh dney* / per. s angl. N. Narcissovoy [*Civilisations: How do we look. The eye of faith*]. Moscow.
- Бирд, М. 2019: *Цивилизации: Образы людей и богов в искусстве от Древнего мира до наших дней* / Пер. с англ. Н. Нарциссовой. М.
- Beard, M. 2020. How to Be an Emperor: Re-reading Fergus Millar's 'The Emperor in the Roman World', *The Times Literary Supplement*, 24 July 2020. URL: www.thetls.co.uk/articles/how-to-be-a-roman-emperor-essay-mary-beard/ (дата обращения: 07.10.2024).
- Beard, M. 2023: *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World*. New York.
- Beard, M. 2024: *L'imperatore di Roma. Il potere nel mondo antico*. Milano.
- Beard, M. 2025: *Smekh v Drevnem Rime: kak shutili i nad chem smeyalis' v Vechnom gorode* / per. s angl. P. Zaykov [*Laughter in Ancient Rome: How They Joke and What They Laughed in the Eternal City* / Transl. by P. Zaykov]. Moscow.
- Бирд, М. 2025: *Смех в Древнем Риме: как шутили и над чем смеялись в Вечном городе* / Пер. с англ. П. Зайков. М.
- Benoist, S. 2001: Le prince en représentation: visibilité et accessibilité du pouvoir impérial romain, d'Auguste à Constantin. In: M. Molin (éd.), *Images et représentations du pouvoir et de l'ordre social dans l'Antiquité, Actes du colloque, Angers, 28–29 Mai 1999*. Paris, 249–259.
- Benoist, S. 2005: *Rome, le prince et la Cité. Pouvoir impérial et cérémonies publiques (Ier siècle av. – début du IVe siècle ap. J.-C.)*. Paris.
- Berry, S. 2013: *Berufsziel: Römischer Kaiser: Ausbildung – Bewerbung – Karriere*. Darmstadt–Mainz.
- Bönisch-Meyer, S. 2021: *Dialogangebote. Die Anrede des Kaisers jenseits der offiziellen Titulatur*. Leiden–Boston.
- Burgersdijk, D.W.P., Ross, A.J. (eds.) 2018: *Imagining Emperors in the Later Roman Empire*. Leiden–Boston.
- Burrell, B. 2024: Review of *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World* by Mary Beard. *New York: Liveright*, 2023. Pp. xvii + 493. ISBN 978-0-87140-422-0. *American Journal of Archaeology* 128.4, 123–125.
- Bleicken, J. 1982: Zum Regierungsstil des römischen Kaisers: eine Antwort auf Fergus Millar. *Sitzungsberichte der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität Frankfurt am Main* 18, 183–215.
- Christoforou, P. 2016: *Living in an Age of Gold: Being a Subject of the Roman Emperor*. PhD Thesis. University of Oxford.
- Christoforou, P. 2023: *Imagining the Roman Emperor: Perceptions of Rulers in the High Empire*. Cambridge–New York.

- Davenport, C., Malik, S. (eds.) 2024: *Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time*. Oxford.
- Davenport, C., McEvoy, M. (eds.) 2023: *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford.
- De Blois, L., Erdkamp, P., Hekster, O. et al. (eds.) 2003: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C.–A.D. 476), Rome, March 20–23, 2002*. Amsterdam.
- Feeney, K. 2023: Review of: Olivier Hekster, *Caesar Rules: the Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2023. *Bryn Mawr Classical Review* (<https://bmcr.brynmawr.edu/2023/2023.09.18/>).
- Flaig, E. 1992: *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*, Frankfurt am Main–New York.
- Gangloff, A. (ed.) 2022: *The Emperor's Qualities and Virtues in the Inscriptions from Augustus to the Beginning of Constantine's Reign: "Mirrors for Princes"?* Leiden–Boston.
- García Ruiz, M. P., Quiroga Puertas, A. J. (eds.) 2021: *Emperors and Emperorship in Late Antiquity: Images and Narratives*. Leiden–Boston.
- Hekster, O. 2015: *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. Oxford.
- Hekster, O. 2020: Imperial Justice? The Absence of Images of Roman Emperors in a Legal Role. *Classical Quarterly* 70.1, 247–260.
- Hekster, O. 2023: *Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC – AD 565)*. Cambridge–New York.
- Hopkins, K. 1978: Rules of Evidence. The Emperor in the Roman World (31 B.C.–A.D. 337) by Fergus Millar. *JRS* 68, 178–186.
- Kelly, B., Hug, A. (eds.) 2022: *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge.
- Laurence, R., Paterson, J. 1999: Power and Laughter. Imperial dicta. *The Papers of the British School at Rome* 47, 183–197.
- Luttwak, E. 1976: *The Grand Strategy of the Roman Empire: from the First Century AD to the Third*. Baltimore.
- Makhlaiuk, A.V. 2018: Rimskiy imperator kak pravitel' vselennoy v politicheskom diskurse grecheskikh nadpisey [The Roman Emperor as a Ruler of the Universe in the Political Discourse of the Greek Inscriptions]. In: V.V. Dementyeva (ed.), *Drevnie tsivilizatsii: sotsium i chelovek: doklady konferentsii Rossiyskoy associatsii antikovedov s mezhdunarodnym uchastiem YarGU im. P.G. Demidova*, 4–6 oktyabrya 2018 g. [Ancient Civilizations: Society and Man: Proceedings of the Conference of the Russian Association of Classical Scholars with the International Participation at the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, October 4–6, 2018]. Yaroslavl, 139–149.
- Махлаюк, А.В. 2018: Римский император как правитель вселенной в политическом дискурсе греческих надписей. В сб.: В.В. Дементьева (отв. ред.), *Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова*, 4–6 октября 2018 г. Ярославль, 139–149.
- Makhlaiuk, A.V. 2020: Emperors' Nicknames and Roman Political Humour. *Klio* 102.1, 202–235.
- Makhlaiuk, A.V. 2024: Rimskiy imperatorskiy dvor kak politicheskiy i sotsiokul'turnyy fenomen [The Roman Imperial Court as a Political and Socio-Cultural Phenomenon] (B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p.; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p.). *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History] 84/1, 184–193.
- Махлаюк, А.В. 2024: Римский императорский двор как политический и социокультурный феномен (B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p.; Vol. 2: *A Sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p.). *ВДИ* 84/1, 184–193.
- Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World (31 B.C.–A.D. 337)*. London.
- Noreña, C.F. 2011: *Imperial Ideals in the Roman West: Representation, Circulation, Power*. Cambridge.
- Roller, M.B. 2022: Dining and Hunting as Courtly Activities in the Roman Empire. In: Kelly, B., Hug, A. (eds.) 2022, 318–348.
- Rollinger, C. 2024: *Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike: Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel*. Stuttgart.

- Russell, A., Hellström, M. (eds.) 2020: *The Social Dynamics of Roman Imperial Imagery*. Cambridge–New York.
- Saez Geoffroy, A. 2017: Estrategia e Imperio Romano: un balance historiográfico a 40 años de la publicación de *The Grand Strategy of the Roman Empire*. *Historias del Orbis Terrarum* 14, 1–25.
- Sidebottom, H. 2024: Demigod Behind a Desk? *Literary Review*. 24 January 2024. URL: <https://literaryreview.co.uk/demigod-behind-a-desk> (дата обращения: 03.10.2024).
- Smyshlyaev, A.L. 1991: Rimskaya imperatorskaya vlast' epokhi principata v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii (obzor) [Roman Imperial Power of the Principate Era in the Modern Foreign Historiography (Review)]. *RZH INION AN SSSR. Aktual'nye problemy pravovedeniya* [Referential Journal Institute of Scientific Information on Social Sciences of the USSR Academy of Sciences. Actual Problems of Jurisprudence] 5, 67–78.
- Смышляев, А.Л. 1991: Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (обзор). *РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения* 5, 67–78.
- Stothard, P. 2023: *Palatine: An Alternative History of Caesars*. London.
- Vedeshkin, M.A. 2021: Ot «grechishki» do «molnii»: o mnogikh prozvishchakh imperatora Yuliana [From “Greekling” to “Thunderbolt”: the Many Nicknames of Emperor Julian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Sotsial'nye kategorii i ikh interpretatsiya na yazyke metaphor* [Odysseus. Man in History. 2021] (29), 176–200.
- Ведешкин, М.А. 2021: От «гречишки» до «молнии»: о многих прозвищах императора Юлиана. *Одиссей. Человек в истории. 2021. Социальные категории и их интерпретация на языке метафор* (29), 176–200.
- Vedeshkin, M.A. 2022: “Pivnyak”, “Myasnik” i “Zmeevik”: prozvishcha rimskikh imperatorov kontsa IV – nachala VI vv. [“The Beerdrinker”, “The Butcher” and “The Snake”: Nicknames of Roman Emperors of the Late 4th – Early 6th Century AD]. *Odissey. Chelovek v istorii. [Odysseus. Man in History. 2022]* (28), 274–301.
- Ведешкин, М.А. 2022: «Пивняк», «Мясник» и «Змеевик»: прозвища римских императоров конца IV – начала VI вв. *Одиссей. Человек в истории. 2022. Homines novi: новые социальные группы в жизни общества; Смерть внезапна!* (28), 274–301.
- Veyne, P. 2002: Qu'étais-ce qu'un empereur romain? *Diogenes* 199, 3–25.
- Veyne, P. 2003: What was a Roman Emperor? Emperor, Therefore a God. *Diogenes* 50.3, 3–21.
- Veyne, P. 2005: *L'Empire gréco-romain*. Paris.
- Vossing, K. 2004: *Mensa Regia: Das Bankett beim hellenistischen König und beim römischen Kaiser*. München–Leipzig.
- Wallace-Hadrill, A. 1982: Civilis Princeps: Between Citizen and King. *JRS* 72, 32–48.
- Winterling, A. 1999: *Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31. v. Chr.–192 n. Chr.)*. München.

Aleksandr V. Makhlaiuk

А.В. Махлаюк

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makhl@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374
Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374 П

д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории
древнего мира и Средних веков
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия